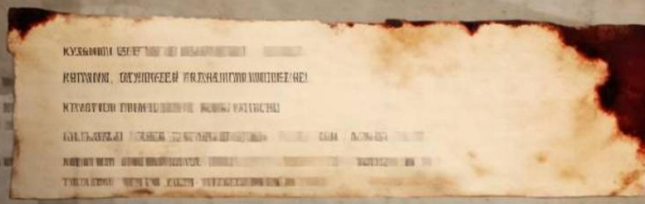
TEN NAMES. ONE IS HERS.

ДЕЛО 1996

18+

Reven Black
Дело 1996

https://litres.ru/74744208
SelfPub; 2026

Аннотация

В квартире умершей матери Ольга находит список из десяти имён. Последнее — её собственное.

Мать всю жизнь проработала в отделе соцобеспечения завода. Теперь Ольга понимает: список — не случайность. За каждым именем — чужие судьбы и молчание, которое кто-то очень дорого купил. А человек в сером пальто, который следит за каждым её шагом, знает о списке больше, чем говорит.

Ольге предстоит распутать тайну прошлого, в которой её имя стоит не просто так.

Десять имён. Одно — её.

Reven Black
Дело 1996

Глава 1

Ключ в замке. Поворот — щёлк — дверь закрылась за спиной, свет Ольга не включила.

Холодный воздух квартиры ударил в лицо: пыль, старый кефир, таблетки, сухая бумага. Ольга стояла в коридоре, сжимая пучок ключей в кулаке. Металл впивался в ладонь — остро, реально, единственное, что не обманывало.

Мать умерла в пятницу. В ту же пятницу Ольга сдала ключи от своей квартиры: договор подписан, деньги переведены, покупатель ждал освобождения. Чек на триста тысяч лежал в кармане, ещё не обналиченный. Оставалась эта квартира — материнская. И три дня: в субботу в двенадцать приедет покупатель, в понедельник — нотариус. До тех пор нужно было разобрать вещи, найти документы и понять, что делать с тем, что она ещё не нашла.

Тапки на месте. Белые, вязаные, правый чуть смят на пятке — мать ходила в них по квартире, не снимая, даже на кухню. На полу у входа — коврик с выцветшим узором, на ков-

рике — газета «Крутоводские вести» от третьего октября. Вчерашняя. Мать успела купить, не успела прочитать.

Ольга сняла ботинки, поставила рядом. Не на коврик — на пол. Прямо, параллельно плинтусу.

Кухня. Холодильник гудел — низко, прерывисто, как в детстве. На полке — банка кефира 2,5%, дата производства 23 сентября. Рядом блюдце с обкусанным куском чёрного хлеба, нож лежит лезвием к краю. Чашка на подстаканнике, в чашке — заварка, остывшая до тёмной гущи. Мать всегда оставляла чашку так: на подстаканнике, нож рядом, хлеб обкусанный.

В прикроватном столике — папка.

Ольга открыла её, не садясь. Стоя, наклонилась, телефон в левой руке — фото, фото, фото. Каждая поверхность. Каждый угол. Для нотариуса, сказала бы Римма. Для себя — чтобы не забыть, думала Ольга.

Прозрачные файлы, подписанные ручкой: «Электроэнергия 1998–2004», «БТИ», «Санаторий». Квитанции, сложенные вчетверо, углы смяты от пальцев. Справка из БТИ на желтоватой бумаге, печать бледная, подпись неразборчивая. Два талона на санаторий «Сосновый бор» — 1999 год, 2001

год. Мать ездила два раза. В 2001-м Ольге было двенадцать.

Последний файл — пустой. Только лист А4, сложенный вчетверо.

Ольга вынула его. Раскрыла. Руки не дрожали.

Десять строк. Рукой матери — мелкий, ровный почерк, наклонённый вправо, буквы слитные, будто писала быстро, не поднимая пера.

1. Кузьмин Сергей Александрович, 1977 г. р., Самоволка, ул. Лесная, 14. 1997.

2. Зайцев Пётр Михайлович, 1972 г. р., Заводской пр-т, д. 8, кв. 3. 1997.

3. Шубина Анна Ивановна, 1938 г. р., Заречье, ул. Речная, 22. 1998.

4. Баранов Михаил Владимирович, 1955 г. р., Заводской пр-т, д. 15, кв. 42. 1998.

5. Баранов Владимир Сергеевич, 1958 г. р., Самоволка, ул. Садовая, 7. 1998.

6. Ляпина Тамара Петровна, 1949 г. р., Заводской пр-т, д. 3, кв. 11. 1999.

7. Ахметов Руслан Равильевич, 1967 г. р., Самоволка, ул. Молодёжная, 9. 1999.

8. Сотников Геннадий Иванович, 1944 г. р., Заводской пр-

т, д. 12, кв. 6. 1999.

9. Дёмина Ирина Владимировна, 1963 г. р., Заречье, ул. Мира, 18. 2000.

10. Плотникова Ольга Сергеевна, 1989 г. р., Крутоводск, ул. Строителей, 10, кв. 34.

Даты на полях — справа, карандашом, тускло: 1997, 1997, 1998, 1998, 1998, 1999, 1999, 1999, 2000. У последней строки — пусто. Ни даты, ни года. Только её имя. Её отчество. Её адрес.

Ольга не читала имена вслух. Не заплакала. Пальцем провела по краю листа — грубая бумага, царапанье ногтя.

Сотников. Геннадий Иванович. Мастер ночной смены. Тот, кто погиб на месте в ночь с 3 на 4 ноября 1996 года, в цехе № 4. Ольга знала это имя из акта. Знала, что в списке погибших он восьмой. Знала, что на стеле в 1998-м было десять фамилий, а в 1999-м добавили одиннадцатую — Черных.

Она смотрела на строку номер восемь. Год напротив — 1999. Через три года после смерти.

Пальцы разжались. Лист лег на столик.

Ольга достала пакетку для документов — прозрачный файл с защёлкой, подписанный маркером: «Важное». Туда уже легли свидетельство о смерти, выписка из домовой книги, квитанция за август. Она положила лист сверху, закрыла защёлку. Пакетку — во внутренний карман куртки.

Телефон завибрировал.

— Алло.

— Ольга, ты где? — Римма. Голос громкий, тёплый, пробивающий стены. — Я у седьмого окна, очередь до двери, бабушка на четвёртом месте нумерацию спрашивает, а у меня терминал завис. Прикроешь на полчаса? Личное дело.

— Сейчас.

— Ты спасение. Чай заварила, на столе стоит. Термос, не остывает.

— Добро.

Ольга положила телефон. Взяла сумку. Ключи от материнской квартиры — на отдельном пластиковом фиолетовом брелоке — ушли во внутренний карман, рядом с пакеткой. Вес ключей был привычный, умиротворяющий.

На пороге она обернулась. Квартира стояла тихо. Холодильник гудел. Где-то за стеной капал кран — капля, пауза, капля. Тапки на месте. Газета на коврике. Чашка на подстаканнике.

Она закрыла дверь. Замок — щёлк. Проверила ручкой. Не открывается.

В лифте она стояла у задней стены, глядя на металлическую дверь. Отражение: женщина тридцати семи лет, тёмные волосы, собранные в низкий хвост, серая куртка, сумка через плечо. Лицо спокойное. Глаза сухие.

Лифт остановился на первом. Двери разъехались.

На двери подъезда — объявление.

Жёлтая бумага, синие буквы, шариковой ручкой, нажим сильный, продавливающий:

«Куплю 2-к кв. в этом доме. Не агентство. Звоните: Артём, 8-9xx-xxx-xx-xx».

Ольга знала этот номер. Звонила в пятницу, договорилась о просмотре в субботу. Цена адекватная, без торга, он при-

едет сам. Мужчина, пятидесяти пяти лет. Вежливый — из тех, кто всегда вежлив.

Она вырвала объявление. Бумага порвалась по краю, ровный разрыв по линии сгиба. Сложила вчетверо. Положила в карман, где лежали ключи.

Телефон в руке. Пальцы набирали номер автоматически — три цифры кода, семь цифр. Не смотрела на экран.

Гудки. Длинные, пустые.

— Алло, Ольга Сергеевна?

Ольга замерла. Пальцы сжались на корпусе.

Она не называла отчество. Ни в пятницу, ни сейчас. Звонила с корпоративного номера, зарегистрированного на юрлицо, без имени.

— Алло? — голос мужчины, ровный, тёплый, с лёгкой хрипотцой. — Ольга Сергеевна, это Артём. Бушуев. Вы звонили про квартиру?

— Да, — сказала она. Голос звучал чужо — ровный, рабочий, без тени удивления. — Артём. Я... перезвоню.

— Конечно. Жду. У меня к вам вопрос, кстати. Не по квартире.

Ольга нажала красную кнопку. Экран погас.

В кармане телефон продолжил пульсировать — вибрация, пауза, вибрация. Она не доставала его.

Вокруг шумел город. Автобус на остановке, скрип тормозов, крик продавщицы на рынке через дорогу, ветер в кронах тополей — сухой, осенний, пахнущий пылью и бензином. Крутоводск. Река где-то внизу, за заводской зоной, невидимая, но слышимая в тишине — гул воды, смешанный с заводским шумом.

Ольга пошла к МФЦ. Два квартала. Двенадцать минут шагом. Она не спешила.

МФЦ. Окно № 7.

Табличка на стекле: «Выдача справок из архива. Регистрация прав. Понедельник–пятница 8:00–20:00». За стеклом — монитор, сканер, принтер, стопка бланков, термос с чаем,

кружка с рисунком кота. Рядом — окно № 8, за ним Римма.

Очередь стояла тихо. Пенсионеры с пакетами, молодые родители с детьми на руках, мужчина в дешёвом костюме с папкой под мышкой. На табло горело: 047.

Ольга сидела прямо, локти на столе, пальцы сложены. Монитор мигал курсором в пустом поле «Фамилия».

— Скажите фамилию, — сказала она, не поднимая головы.

Мужчина в костюме подошёл. Положил паспорт на стекло.

— Смирнов. Владимир Петрович.

Ольга взяла паспорт, открыла на развороте с регистрацией, ввела данные. Экран заполнился строками.

— Справка о составе семьи?

— Да. В банк. Ипотека.

— Подождите.

Она нажала печать. Принтер выдал листы. Она собрала их, проверила печати, прошила скрепкой.

— Вот. Действует месяц. Четвёртое окно — за подписью начальника отдела, до обеда.

— Спасибо. — Мужчина взял файл, ушёл.

Следующая — бабушка в шали, очки на цепочке.

— Фамилия.

— Петрова. Анна... Ивановна. — Она запнулась. — Дочь сказала, тут всё по компьютеру...

— Дата рождения?

— Тридцать седьмого года, десятого мая.

Ольга ввела. Запись найдена. Напечатала справку о пенсии, выписку из архива за 1998 год — перерасчёт стажа. Бабушка ждала, держа пакет с хлебом и молоком.

— Вот. — Ольга просунула листы через проём. — Проверьте ФИО.

Бабушка надела очки, читала медленно, шевеля губами. Кивнула.

— Спасибо, доченька. Ты такая аккуратная. Как моя внучка.

— Следующий.

К обеду очередь ушла. На табло — 089. Римма ушла на перерыв, оставив на столе термос и записку: «Оль, чай не остыл. Я в столовой, салат с курицей».

Ольга осталась одна. Зал был пуст.

Она достала из кармана список. Развернула. Строка номер восемь — Сотников.

Ольга открыла архивную базу. Ввела фамилию. Экран выдал: «Сотников Геннадий Иванович, 1944 г. р., Заводской пр-т, д. 12, кв. 6. Снят с регистрационного учёта 14.11.1996 в связи со смертью».

Она открыла вкладку выплат. Жилищная субсидия по адресу Заводской пр-т, 12, кв. 6. Платежи: 1997, 1998, 1999. Последний — март 1999-го. Получатель — Сотников Г. И.

Человек, умерший в ноябре 1996-го, три года получал субсидию.

Ольга закрыла вкладку. Открыла заново. То же самое.

Она откинулась на спинку стула. В зале гудел кондиционер. Где-то за стеной Римма смеялась.

Ольга сложила список. Положила в пакетку. Встала. Надела куртку.

— Ухожу на полчаса, — сказала она пустому залу. — Личное дело.

Никто не ответил.

На улице ветер подул сильнее. Жёлтые листья кружились у порога, впиваясь в щели плитки. Ольга пошла к подъезду. Тот же путь — два квартала, двенадцать минут. Только теперь шла не к МФЦ, а от него.

Подъезд. Дверь открылась без звонка — замок не защёлкивался с прошлой недели, пружина сдохла. Управляющая обещала починить «к концу месяца». Сегодня четвёртое октября.

Лифт не пришёл. Она пошла по лестнице. Четвёртый этаж. Дыхание ровное, шаг спокойный. Она поднималась по этим ступенькам тридцать лет. Знала каждую выбоину на бетоне, каждую царапину на перилах, каждый запах — мочи в углу первого этажа, варёной капусты у соседки со второго, табачного дыма у парня с третьего.

На четвёртом этаже она остановилась. Квартира 34 — справа. Дверь закрыта. Ключи в кармане.

Но она не открывала. Обернулась к лифтовому холлу. На двери подъезда — пустое место. Рваный край жёлтой бумаги висел на скотче, дёргаясь от сквозняка.

Ольга подошла ближе. Скотч старый, пожелтевший, края свернулись. Объявление вырвано неаккуратно — порвано по диагонали, часть осталась на двери. Синие буквы бледнели на солнце.

Она достала телефон. Набрала номер из памяти.

Гудки. Один. Два. Три.

— Алло, Ольга Сергеевна?

Голос тот же. Ровный. Тёплый. С лёгкой хрипотцой. Веж-

ливый — из тех, кто всегда вежлив. И помнит отчество.

Ольга стояла в сквозняке, держа телефон у уха. В ухе звенело. В ладони — пот.

— Артём, — сказала она. — Откуда вы знаете моё отчество?

Пауза. Короткая, но Ольга успела услышать, как он улыбнулся.

— Ваша мать была аккуратной женщиной, — сказал он. — Десять строк, да? Не тяните с продажей, Ольга Сергеевна. В субботу я приеду. Поговорим.

Она нажала отбой. Экран погас.

В тишине подъезда слышался только сквозняк и где-то далеко — скрип лифта, поднимающегося.

Ольга стояла, не двигаясь. Телефон в руке. В кармане — вырванное объявление, ключи, список.

Он знал про список.

Она не знала, как.

Ещё не знала.

Глава 2

Домой Ольга не поехала.

Её собственная квартира стояла пустой: вещи вывезены, ключи сданы ещё в пятницу. Возвращаться было некуда. Она осталась в материнской — на Строителей, 10.

Ночь тянулась медленно. Ольга не стала стелить — села в кресло у окна, не сняв куртку. Список лежал на коленях, развёрнутый. Восемь строк она уже знала наизусть. Девятая — Дёмина, Заречье, Мира, 18. Десятая — её собственная.

Она смотрела на строку номер восемь. Сотников. Мастер ночной смены. Погиб на месте. Субсидия до марта 1999-го.

Кто-то получал деньги за мёртвого человека три года.

Ольга знала, как устроены такие схемы. В архиве МФЦ хватало подобного: пенсии по умершим, субсидии на снесённые дома, пособия на детей, которых не было. Бумажная смерть и бумажная жизнь расходились по разным ведомствам и не пересекались годами. Чтобы получить выплаты за

умершего, нужно было одно: чтобы кто-то в нужном окне не нажал кнопку «снято с учёта».

Кто-то не нажал. Три года.

Она встала, когда за окном начало сереть. Часы на стене — круглые, с треснувшим стеклом — показывали шесть двадцать. Ольга прошла на кухню, поставила чайник. Открыла шкаф над раковиной. Крупы в банках, подписанные рукой матери: «гречка», «рис», «пшено». Аккуратно, ровно, как в списке.

За банками — коробка из-под обуви. Ольга вынула её. Внутри — фотографии, перетянутые аптечной резинкой. Она сняла резинку. Сверху — чёрно-белый снимок: женщина лет сорока, в белом халате, стоит у стены с плакатом «Соблюдайте технику безопасности». Мать. Молодая. Халат не медицинский — серый, с эмблемой на кармане. Заводская.

Ольга перевернула снимок. На обороте — карандашом, мелко: «1988. Отдел соцобеспечения, з-д "Крутоводский машиностроительный"».

Мать работала на заводе. В отделе соцобеспечения. Она оформляла выплаты.

Ольга села на табурет, не выпуская фотографию. Чайник закипел, щёлкнул, отключился. Она не встала.

Отдел соцобеспечения. Значит, мать знала всех этих людей не понаслышке. Кузьмин, Зайцев, Шубина, Барановы, Ляпина, Ахметов, Сотников, Дёмина. Она оформляла им документы. Пособия. Компенсации. Субсидии.

И после пожара она оформляла выплаты семьям погибших.

Ольга положила фотографию на стол. Достала список. Строка номер восемь: Сотников, 1944 г. р., Заводской пр-т, 12, кв. 6. 1999.

Год напротив — не дата смерти. Год последней выплаты.

Она сложила фотографию и список обратно в пакетку. Взяла куртку.

Заводской проспект — другой район. Не тот, где стояла материнская квартира: там пятиэтажки с палисадниками, здесь — длинные девятиэтажки, серые, с облупленными балконами. Дом 12 стоял у трамвайной линии. Ольга вышла на

остановке «Заводская», прошла вдоль дома, нашла шестой подъезд.

Дверь открыла женщина лет семидесяти. В халате, с повязанным на голове платком. За её спиной — тёмный коридор, запах жареного лука и лекарств.

— Здравствуйте, — сказала Ольга. — Я по поводу Сотникова Геннадия Ивановича. Вы были его женой?

Женщина смотрела на неё, не мигая. Пальцы на дверной ручке побелели.

— Кто вы?

— Меня зовут Ольга. Я работаю в МФЦ, проверяю архивные записи. — Она достала удостоверение и показала через порог. — Понимаю, что рано. Но мне нужно уточнить несколько деталей.

Женщина не двинулась.

— Каких деталей?

— Выплат. По адресу вашей квартиры. С девяносто седьмого по девяносто девятый год.

Пауза. Женщина обернулась вглубь квартиры, будто проверяя, не слышит ли кто. Потом снова посмотрела на Ольгу.

— Уходите, — сказала она тихо. — Пожалуйста. Я ничего не знаю.

— Я не из полиции и не из налоговой. Я ищу не вас. — Ольга говорила ровно, спокойно, как в окне № 7. — Мне нужно понять, кто оформлял выплаты. После смерти вашего мужа.

Женщина вздрогнула. Не отшатнулась — именно вздрогнула, как от холода.

— Уходите, — повторила она. — Я не буду говорить. Я подписывала.

— Что подписывали?

— Бумаги. — Она смотрела мимо Ольги, на лестницу. — Мне сказали: подпишите — и всё. Деньги будут. Я подписала. Три года шли. Потом перестали. Мне сказали: всё, больше не будет, и не спрашивайте.

— Кто сказал?

— Не помню. Мужчина. В костюме. Он приезжал. — Она вдруг посмотрела Ольге в глаза, впервые за весь разговор. — Он и сейчас приезжает. Спрашивает. Как вы.

Ольга почувствовала, как холод поднимается по спине.

— Как его зовут?

— Не знаю. Он не назывался. — Женщина начала закрывать дверь. — Уходите. И не приезжайте больше. Пожалуйста.

Дверь закрылась. Щёлкнул замок. За дверью — тишина, потом — шаги, удаляющиеся вглубь квартиры.

Ольга стояла на площадке. В подъезде пахло сыростью и кошками. Где-то наверху плакал ребёнок.

Она спустилась по лестнице, вышла на улицу. Трамвай проехал, звеня, обдав ветром. Ольга пошла к остановке.

У киоска с газетами, на противоположной стороне, стоял мужчина. Серое пальто, тёмные волосы, руки в карманах. Он смотрел на неё.

Ольга остановилась. Мужчина не отвёл взгляда. Просто стоял и смотрел.

Она достала телефон. Набрала номер.

Гудки. Один. Два.

— Алло, Ольга Сергеевна? — Голос тёплый, ровный, с хрипотцой. — Быстро вы. Я думал, вы до двенадцати подождёте.

— Кто вы? — спросила Ольга. — На самом деле.

Пауза. Мужчина у киоска не двигался.

— Я тот, кто хочет купить квартиру, — сказал Артём. — И тот, кто хочет, чтобы вы перестали ездить по адресам из маминого списка. Пока с вами ничего не случилось.

Ольга сжала телефон.

— Это угроза?

— Это предупреждение. Разница в том, что угрожать я не буду. — Он помолчал. — В субботу в двенадцать. Квартира. Приходите одна. И возьмите список.

Он отключился. Ольга опустила телефон.

Мужчина у киоска повернулся и пошёл в сторону трамвайной линии. Не оглядываясь. Спокойно, как человек, который знает, что его не догонят.

Ольга стояла на остановке. Ветер трепал край куртки. Трамвай подошёл, двери открылись, кто-то вышел, кто-то вошёл. Она не двинулась.

В кармане лежал список. Девять чужих имён. Её собственное — десятое.

И теперь она знала: кто-то следит, чтобы она не дочитала до конца.

Глава 3

Утро понедельника началось с чужой записки.

В субботу Артём не пришёл. Ольга просидела в квартире до половины первого, потом уехала. На звонки он не отвечал — ни в субботу, ни в воскресенье. Телефон молчал, как будто номера и не было.

В МФЦ Ольга пришла в семь сорок — за двадцать минут

до открытия. Зал был пуст, табло погашено, кофейный аппарат на первом этаже ещё не варил. Она прошла к окну № 7, включила монитор, повесила куртку на спинку стула. И только тогда увидела листок, прижатый кружкой с котом.

Почерк Риммы — крупный, круглый, с завитушками: «Оль, тобой интересовались. Из отдела безопасности. Спрашивали, какие запросы ты делала на прошлой неделе. Я сказала, что не знаю. Ты в порядке? Р.»

Ольга прочитала дважды. Сложила листок вчетверо, убрала в карман — туда же, где лежал список. Села. Пальцы сами нашли мышку, но кликать она не стала.

Думать надо было быстро и тихо.

Каждое обращение к архивной базе логировалось под её учётной записью. Каждый запрос оставлял след: дата, время, фамилия, номер дела. Если кто-то из безопасности уже смотрел её историю, значит, видит всё. Значит, надо действовать так, будто ничего не происходит.

Она открыла текущую работу — заявления за неделю, очередь на регистрацию прав. Обычные папки. Потом, между делом, как будто проверяя старый запрос нотариуса, ввела фамилию.

Ляпина. Тамара Петровна. 1949 года рождения. Заводской проспект, 3, квартира 11.

Экран заполнился. Ольга читала медленно, держа руки на клавиатуре, будто собиралась печатать.

Ляпина умерла в 2001-м. В графе «снято с учёта» — февраль. А выплаты по адресу шли до 2003-го. Два года. Получатель — Ляпина Т. П.

Ольга открыла основание. Код стоял нестандартный — трёхзначный, с буквой на конце. Так помечали документы, оформленные вручную, минуя общий реестр. Она видела такой код всего несколько раз за всю работу. Ставили его только в одном месте — в соцобеспечении завода, до того как отдел расформировали.

В примечании — фамилия. Не матери. Другая.

Ерохин.

Ольга откинулась на спинку стула. В зале зажглось табло, двери открылись, вошла первая очередь. Она машинально кивнула, приняла паспорт, напечатала справку. Руки работали, голова — нет.

Ерохин. В акте о пожаре он упоминался. Тот, кто в ночь с 3 на 4 ноября на заводе не был. Отсыпной. Приехал в 03:20, когда всё уже горело.

Тогда это была просто строчка в акте. Теперь — фамилия в примечании к мёртвой выплате.

К обеду её вызвали.

Ковалёв сидел в кабинете на втором этаже, за столом без бумаг. Сухой мужчина лет пятидесяти, в сером пиджаке, с глазами человека, который давно ничему не удивляется. Он предложил ей сесть. Она села.

— Ольга Сергеевна, — сказал он. — Вы на прошлой неделе смотрели архив девяносто шестого — девяносто девятого годов. Несколько раз. Чем вызван интерес?

Голос ровный. Не обвиняющий. Именно поэтому страшный.

— Готовлю ответ на запрос нотариуса, — сказала Ольга. — По наследству матери. Там есть старые квитанции, нужно подтвердить периоды.

Ковалёв кивнул. Медленно.

— Понимаю. — Он помолчал. — Только нотариальные запросы у нас идут через общий отдел. С регистрацией. А ваши — напрямую.

— Я не знала, что это нарушение.

— Это не нарушение. — Он посмотрел на неё внимательно. — Пока не нарушение. Но я ваш доступ к старому архиву приостановил. До выяснения. Не обижайтесь.

Ольга кивнула. Встала.

У двери он сказал:

— Ольга Сергеевна. Если вам что-то нужно по материнским бумагам — скажите мне. Я помогу. Не надо лазить самой.

Она обернулась. Он смотрел в стол. Пальцы его лежали на папке, и папка чуть дрожала.

Он боялся. Не её. Чего-то другого.

После обеда Ольга подошла к окну № 8. Римма болтала с

посетителем, потом освободилась.

— Римм. — Ольга говорила тихо. — Посмотри одно имя. Только посмотри. Не вноси в запросы.

Римма сначала отшутилась. Потом увидела её лицо.

— Ты чего такая?

— Посмотри. Зайцев. Пётр Михайлович. Заводской, 8, квартира 3.

Римма вздохнула, повернулась к монитору. Пощёлкала.

— Умер в двухтысячном, — сказала она через минуту. — Выплаты до две тысячи второго. Тот же код, что у тебя. — Она прищурилась. — Слушай, тут примечание. Ерохин. Это не тот Ерохин, что в администрации области?

Ольга не ответила.

— Оль, — сказала Римма тише. — Ты во что влезла?

— Пока не знаю.

Вечером зал опустел. Ольга сидела одна перед погасшим

табло. Список лежал перед ней, развёрнутый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.